

В театре Валерия Токарева

Вер. Москва. - 1995. - 18 марта. - с. 5.

Что может один актер, если он хороший?

Ловлю себя на странном ощущении. Отлично проведен вечер. Но где все-таки я побывал? На концерте? В Библиотеке всемирной литературы? В лекционном зале? В Консерватории? И тут, и там, и тут, и там. А если точнее: я побывал в театре одного актера, в театре Валерия Токарева. Посудите сами: я слушал бессмертные тексты классиков литературы разных времен и народов. Эти тексты не только прочитаны наизусть, что едва ли было бы решением половины задачи, они чудесно озвучены артистом. Слушая Валерия Токарева, я не только получаю удовольствие, но и познаю, даже известное мне воспринимаю как услышанное впервые, даже знакомое артист возвращает мне в творчески преображенном виде.

Этот сезон для Валерия Токарева и для нас знаменателен тем, что отмечается (не столько торжественно, а, так сказать, в рабочем порядке) 50 лет его деятельности. Из этого полувека пять лет посвящено театру (он ученик Ю. А. Завадского), а сорок пять лет безраздельно отданы искусству художественного чтения, искусству, у которого, на мой взгляд, большое будущее. Боюсь оглушить читателя цифрами, но они волнуют, за ними огромный каждодневный каторжный труд. На счету актера 70 программ. Из них 53 — сольные вечера, 12 с симфоническим оркестром, 5 с фортепиано. Разумеется, программы обновляются и корректируются временем и характером аудиторий.

Юбилейный — полувековой — сезон отмечен двумя персональными абоне-ментами в двух концертных залах Москвы: в Центральном Доме художника на Крымском валу и в Доме ученых, престиж которых не нуждается в дополнительных эпитетах. Надо было видеть эти притихшие, жадно слушающие залы, наполненные москвичами разных возрастов и образовательных цензов. Всех объединяло искусство живого, трепетного, полнозвучного поэтического слова. Именно в Слове без излишних аксессуаров, без переодеваний и масок, без цилиндров и тростей артист добивается выразительности: где нужно — баритинности, где нужно — мелодичности, где нужно — философской глубины.

Как каждый присутствовавший на спектаклях Валерия Токарева, я слушал вместе со всеми и немного отдельно от всех, находя в звучащих книгах свое, необходимое именно для моей жизни. Это высокое умение артиста обращаться ко всем вместе и к каждому в отдельности отличает его искусство «лица необщим выраженьем», как говорил Баратынский. В эпоху, когда свирепствует мода на невнятицу, абракадабру, заумь,

бессмыслицу, артист настаивает на классике мировой литературы, прежде всего русской, предлагает слушателю тот высочайший достигнутый человечеством уровень, единственно пригодный для утоления духовной жадности и стремления к совершенству.

Артист предлагает слушателям отборное золотое зерно художественного слова, творения возрожденцев, мудрецов, подвижников. Он оживляет вечные образы, без знания которых нет культуры и нет образованного человека. В многообразном репертуаре токаревского театра выделяются его литературно-музыкальные композиции, в которых артист-чтец выступает в содружестве с фортепиано. Дается «Пер Гюнт» Ибсена и «Маскарад» Лермонтова.

В первом случае Григ, во втором Хачатурян. Мы заранее знаем, что происходит в этих произведениях. Знакомые образы, однако, наполняются новым смыслом и романтически вписываются в наш тревожный, если не сказать катастрофический день. В другом случае Петрарка идет в паре с Листом, а Пастернак со Скрябиным. В третьем случае неожиданное и смелое сочетание писем Бетховена с его же сонатами (14, 17, 23).

Этот сезон для Валерия Токарева и для нас знаменателен тем, что отмечается (не столько торжественно, а, так сказать, в рабочем порядке) 50 лет его деятельности.

Если сонаты все же известны, то звучание бетховенских писем с эстрады — открытие, никто за эту задачу не брался. Задача трудная, между тем письма Бетховена звучат как поэтические произведения, мощно поддерживаемые музыкой. Трагедия композитора (глухота, неудачная любовь, одиночество), его прорыв «сквозь страдания к радости» производят огромное, притом целостное и надолго остающееся впечатление на слушателей.

Не меньшее впечатление производит достойнейший дуэт Мицкевича и Шопена. В композициях все мизансцены предельно скупы, ничего лишнего, огромный простор для фантазии и догадки слушателя. Все работает на образ, привлекая к нему внимание, а не отвлекая его на ненужное, хотя и эффектное, второстепенное, пусть и завлекательное. Здесь уместно сказать, сколь велика в этих композициях заслуга пиани-

стки Наталии Гавриловой. Тремя словами можно выразить беглое впечатление от ее игры: вкус, темперамент, тонкость. Но этого мало. Очарование музыки приходит при каждом новом прослушивании ее. К достоинствам Наталии Гавриловой надо добавить ее чувство слова. Она не только блестяще солирует, она незаменима в ансамбле.

Если первый абонемент Валерия То-

читает знаменитый монолог (с оркестром), также в своем переводе. Если уж Господь производит на свет человека даровитого в одном деле, он благоволит наградить его попутно и другими талантами. Конечно же, шестерых разнокалиберных Дон Жуанов артист не мог оставить без Моцарта. Как же! — он звучит, и еще как звучит!

В высокому присутствию музыки просиходит встреча особенно любимых артистом трех великих флорентийцев: Данте — Петрарка — Боккаччо. Сонет, терцина, притча, трагическое и комедийное слово звучат с той живостью и красотой, на которые их подвигли многостолетние испытания. Чтение фрагментов из Данте и Петрарки в оригинале (пусть и намеком) дает слушателям представление о красоте итальянского подлинника. С полным правом оба абоне-мента можно назвать «сокровища мировой литературы». Вот они — читальный зал вкупе с концертным, театр совместно с лекторской аудиторией. Пора сказать и о том, что в театре Валерия Токарева литературно-музыкальное начало совмещается с — подчеркиваю — просветительским. И в смысле «разумное, доброе, вечное», и в смысле реальных знаний бессмертных текстов.

Говорил я здесь о программах чтеца. Надо бы сказать в угор о самом чтеце. Это мастер, не знающий в работе пауз и усталости. При том, что за полвека столько наработано. Иной бы уж почивал на лаврах. Что же держит артиста и что движет им? Отвечу. Пушкин писал: «Байрон исповедался в своих стихах, невольно увлеченный восторгом поэзии». Да, этот самый «восторг поэзии», второе имя молодости духа. Восторг поэзии держит человека не только на плаву. Он поднимает его на высоты, он дает ему силы для жизни и для творчества.

...На вечер, когда исполнялись «Пер Гюнт» и «Маскарад», я пришел в сумрачном и смутном состоянии. Есть от чего прийти в такое состояние: газеты, радио, телевидение, проход по людским колдобинам на тротуарах и мостовых, невольное слушание разговоров в очередях, посещение магазинов, не буду продолжать перечисление. Побывал в театре Валерия Токарева, услышал тексты Ибсена и Лермонтова, слушал музыку Грига и Хачатуряна. Не то чтобы я забыл, отошел от впечатлений дня. Нет, поэзия и музыка только на время отдалили их, навевали на меня «сон золотой» И спасибо на том. Спасибо, потому что с вечера я уходил обнадуженным и проясненным. Все-таки пока существуют поэзия и музыка — не все пропало.

Во второй абонемент, к удовольствию слушателей, включены версии о Дон Жуанах. Здесь версии Мольера, Пушкина, Байрона, Шоу, Ленау. Кстати, Дон Жуан в произведении Ленау дается в переводе Валерия Токарева, весьма профессионально и передающем красоту оригинала. В другом случае — с «Эгмонтом» Гете — Валерий Токарев

Лев ОЗЕРОВ
Рисунок Алексея ИОРША